

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

УДК 902

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ИСКУССТВУ с. КУБАЧИ

Рец. на кн.: М.М. Маммаев. Искусство Зирихгерана-Кубачи XIII–XV вв. и его место в системе художественных культур Востока и Запада. Махачкала: Изд-во «Эпоха», 2014. – 592 с, 307 илл.

О.М. Давудов,

Институт ИАЭ ДНЦ РАН, Махачкала

М.И. Магомедов,

Институт ЯЛИ ДНЦ РАН, Махачкала

Г.Г. Газимагомедов.

Министерство промышленности, торговли и инвестиций РД

ihae_dnc@mail.ru

В крупнейшем художественном центре Дагестана с. Кубачи в средние века были созданы выдающиеся произведения искусства мирового уровня, которые вошли в бесценное национальное художественное наследие всего Дагестана и в сокровищницу мировой художественной культуры. Однако до самого последнего времени они оставались очень слабо изученными, многие из них не были даже введены в научный оборот, а целый ряд вопросов истории искусства не только с. Кубачи, но и всего Дагестана оставался не разработанным должным образом. Этот пробел существенно восполняется недавно вышедшим из печати фундаментальным исследованием главного научного сотрудника Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, доктора искусствоведения, профессора РАЕ Мисрихана Маммаевича Маммаева «Искусство Зирихгерана-Кубачи XIII–XV вв. и его место в системе художественных культур Востока и Запада». Исследование это является итогом многолетнего кропотливого труда автора. Сам он, будучи уроженцем с. Кубачи, бывшим мастером Кубачинского художественного комбината, сменив резец на перо, многие годы посвятил изучению искусства своего родного селения не только периода средневековья, но и нового и новейшего времени. В этом деле он добился больших успехов.

Данное исследование охватывает довольно значительный отрезок времени – XIII–XV вв., т.е. трехсотлетний период. Оно базируется на глубоком анализе многочисленных произведений различных видов декоративно-прикладного искусства: художественной обработки металла, резьбы по камню и дереву, оружейного дела, – хранящихся ныне во многих крупных отечественных и зарубежных музеях: в Государственном Эрмитаже в С.-Петербурге, Лувре в Париже, музее Виктории и Альберта в Лондоне, Метрополитен-музее в Нью-Йорке и др. Широко использованы в работе и те произведения кубачинского искусства XIII–XV вв., которые хранятся в республиканских музеях: в Дагестанском государственном объединенном историко-архитектурном музее им. А.А. Тахо-Годи, Дагестанском музее изобразительных искусств им. П.С. Гамзатовой, Историко-этнографическом музее им. Р.М. Магомедова Дагестанского государственного университета, а также сохранившиеся в самом с. Кубачи и соседних с ним населенных пунктах – с. Амузги, Ашты, Калокорейш и др.

Подробно освещается в работе и средневековая архитектура с. Кубачи.

В монографии искусство Зирихгерана-Кубачи XIII–V вв. исследуется в контексте художественных культур Закавказья, Ближнего и Среднего Востока, Владимиро-Суздальской Руси, Крыма и романского Запада, определяется его место в мировом художественном процессе.

В семи главах монографии освещены узловые проблемы средневекового искусства с. Кубачи – широко известного центра оружейников и златокузнецов, имеющего многовековую историю.

Первая глава работы – историографическая. В ней дан подробный очерк истории изучения искусства Зирихгерана-Кубачи XIII–XV вв. отечественными и зарубежными исследователями, труды которых рассматриваются автором как значительный вклад в освещение не только искусства с. Кубачи, но и всего Дагестана в целом. В то же время М.М. Маммаев в главе верно

отмечает, что пока нет специального обобщающего монографического исследования, в котором обстоятельно освещалось бы искусство Зирихгеран-Кубачи XII–XV вв. – одного из важнейших и значительных этапов исторического развития кубачинского искусства.

Во второй главе дается краткий очерк истории с. Кубачи от древности до конца XV в. Почему изложению истории с. Кубачи автор посвятил отдельную, хотя и сравнительно небольшую главу, обосновывается достаточно убедительно: во-первых, не зная историю любого народа, невозможно изучать историю его искусства; во-вторых, как пишет М.М. Маммаев, «лишь выяснив особенности исторического развития с. Кубачи и окружающих его населенных пунктов – малых художественных центров [с. Амузги, Ашты, Калакорейш, Шири и др.] – можно раскрыть то, чем вызван и обусловлен феномен кубачинского искусства, на какой почве выросло и расцвело искусство XIII–XV вв., какие условия способствовали этому, где его корни и истоки» (с. 43). В итоге автор исследования приходит к выводу о том, что, став крупным художественным центром, средоточием мусульманской духовности и образованности и одним из крупных населенных пунктов Кубачино-даргинского нагорья, с. Кубачи в XIII–XV вв. переживает высокий экономический и культурный подъем. Созданные в то время в с. Кубачи выдающиеся произведения художественного бронзового литья, медночеканного искусства, резьбы по камню и дереву, оружие с высокохудожественной отделкой, а также памятники культовой и светской архитектуры вошли составной частью в национальное культурное наследие всего Дагестана.

Третья глава подробно освещает архитектуру Зирихгерана-Кубачи XIII–XV вв. В ее четырех параграфах на основе изучения сохранившихся до настоящего времени памятников архитектуры (оборонительных сооружений, т.е. круглых в плане башен Кунакла-кала, Акайла-кала, Цилалла-кала, а также культовых зданий – Большой пятничной мечети и квартальных мечетей, жилых и давно развалившихся, но в порядке предположения реконструируемых автором общественных построек дворцового типа «Хвала хьулбе» (Большие дома), принадлежавших органу местного самоуправления «Чине» (Совет старейшин), с привлечением материалов по средневековой архитектуре соседних селений (Амузги, Ашты Ицари) и других населенных пунктов горного Дагестана) автором воссоздана картина развития архитектуры с. Кубачи в исследуемое им время. Им же выявлены и местные планировочно-конструктивные особенности средневековых архитектурных сооружений с. Кубачи, а также своеобразие их декоративного убранства. Памятники средневекового народного зодчества с. Кубачи М.М. Маммаевым вполне обоснованно рассматриваются как весомый вклад в архитектурное наследие всего Дагестана и Северо-Восточного Кавказа.

Четвертая глава «Художественное ремесло и архитектурный пластический декор Зирихгерана-Кубачи XIII–XV вв.» объемистая содержательная. Она состоит из трех параграфов. В первом из них освещается художественная обработка металла. В нем подробно описаны давно привлекавшие внимание многих отечественных и зарубежных исследователей кубачинские литые бронзовые котлы XIII–XV вв., хранящиеся ныне во многих отечественных и зарубежных музеях и частных коллекциях. Основательно проанализирована их декоративная отделка разнообразными орнаментальными композициями и арабскими надписями (котлы т.н. открытого типа) и изобразительными сюжетами (котлы т.н. закрытого типа). Кубачинские средневековые бронзовые котлы с высокохудожественной отделкой М.М. Маммаев вполне обоснованно рассматривает как «вершину развития средневекового художественного бронзового литья Дагестана и художественной обработки металла в целом» (с. 144).

В первом же параграфе четвертой главы рассматривается и медночеканное искусство, которое развивалось параллельно с художественным бронзовым литьем. Медночеканные изделия, относящиеся к XIII–XV вв., сохранились, как отмечено в работе, очень мало. Но в силу устойчивости традиций и консерватизма бытового уклада медночеканные изделия были мало подвержены изменениям. Поэтому М.М. Маммаев привлекает для анализа несколько более поздние, чем XIII–XV вв. предметы медночеканного производства – крышки к литым бронзовым котлам, подносы, кувшины и т.д. Представляет интерес и вполне убедительно мнение автора о происхождении кубачинских ритуальных сосудов «нукнусы», прототипами для которых послужили иранские подсвечники XII–XIII вв. Ближневосточного происхождения металлические сосуды также послужили прототипами кубачинским водоносным сосудам «кутка» и «мучал», бытующим, как и «нукнусы», по сей день.

Из сохранившихся образцов художественно отделанного оружия с. Кубачи XV–XVI вв. в монографии рассматривается хранящийся в Государственной Оружейной палате Московского Кремля сабля, принадлежавшая боярину Ф.И. Мстиславскому. Атрибуция ее у исследователей

вызывает споры. Но М.М. Маммаев приводит, на наш взгляд, достаточно аргументов, подтверждающих принадлежность сабли работе кубачинского мастера.

Изучение художественной обработки металла Зирихгерана-Кубачи XIII–XV вв. приводит автора к выводу о том, что она составила «один из важных этапов в истории искусства с. Кубачи и сыграла большую роль в развитии кубачинского и дагестанского в целом искусства XIX–XX вв.» (с. 158).

Во втором параграфе четвертой главы дана общая характеристика средневекового камнерезного искусства с. Кубачи. В этом же параграфе М.М. Маммаев касается вопроса датировки средневековых памятников искусства с. Кубачи, одного из сложных и трудных в изучении кубачинского искусства. В полемике с А.А. Ивановым и другими авторами М.М. Маммаев отстаивает свою позицию о местном, кубачинском, изготовлении каменных рельефов - архитектурных деталей, что представляется вполне убедительной и обоснованной.

М.М. Маммаев определяет также принадлежность кубачинских каменных рельефов к конкретным, не сохранившимся до нас (за исключением Большой пятничной мечети в нижнем квартале с. Кубачи) архитектурным сооружениям – культовым зданиям: мечетям и медресе, общественным домам дворцового типа «Хвала хьулбе» и «Гулалла хьал», жилым домам и оборонительным сооружениям.

В рассматриваемом же параграфе автор вкратце останавливается на вопросе классификации кубачинских резных камней (с. 174), которой он придерживается в пятой главе при анализе сюжетов и образов и выяснении их происхождения и семантики.

В последнем разделе второго параграфа четвертой главы описаны декорированные надмогильные памятники XIII–XV вв. из сс. Кубачи, Калакорейш, Дацамажи. Ашты, которые дают возможность составить определенное представление о декорированных надмогильных памятниках как о произведениях средневекового камнерезного искусства, арабской эпиграфики и каллиграфии.

В третьем параграфе четвертой главы охарактеризована резьба по дереву как один из высокоразвитых видов средневекового декоративно-прикладного искусства Зирихгерана-Кубачи. Здесь обстоятельно проанализирована декоративная отделка выдающегося произведения средневекового исламского искусства Дагестана – неполностью сохранившегося резного деревянного минбара XVв., первоначально находившегося в Большой мечети в с. Кубачи, а ныне выставленного в экспозиции музея Кубачинского художественного комбината им. Р. Алиханова. В этом же параграфе детально описаны две пары резных дверей XII–XIII вв. мечети с. Калакорейш, а также опорные деревянные столбы мечетей селений Шири и Ицари. На основе глубокого анализа сравнительно немногочисленных, сохранившихся до настоящего времени произведений искусства резьбы по дереву М.М. Маммаевым делается обоснованный вывод о том, что «среди различных отраслей художественного ремесла XIII–XV вв. Зирихгерана-Кубачи видное место занимало искусство резьбы по дереву, которое по степени своего развития и совершенства не уступало другим видам декоративно-прикладного искусства» (с. 218).

Пятая глава монографии М/М. Маммаева «Сюжеты и образы: стиль, генезис и семантика» тоже объемистая, информативная, содержательная и весьма интересная. Она имеет шесть параграфов. В первом из них автор вводит читателя в проблематику изучения сюжетов и образов средневекового искусства Зирихгерана-Кубачи, особенностей их стиля, происхождения и семантики. В последующих пяти параграфах дано четкое деление сюжетов и образов на пять категорий: 1. Анималистические сюжеты и образы; 2. Сюжеты и образы фантастических существ; 3. Сюжеты жертвоприношения, охоты и звериного гона; 4. Орнитологические сюжеты и образы; 5. Сюжеты с человеческими изображениями. Относящиеся к каждому из этих категорий сюжеты и образы автором рассмотрены подробно, выяснено своеобразие их изобразительного воплощения в произведениях резьбе по камню и дереву, художественной обработки металла, приводится им широкий круг аналогий. Смысловое значение, т.е. семантика различных сюжетов и образов раскрывается путем привлечения данных мифологии, фольклора, религиозных представлений, различных легенд и преданий, а также привлечения сравнительного материала по искусству различных стран. При этом автор подчеркивает, что различные изобразительные сюжеты и образы средневекового искусства Зирихгерана-Кубачи находят соответствующие параллели в искусстве средневекового времени Закавказья, Ближнего и Среднего Востока, Древней Руси, Крыма и т.д., но в кубачинском искусстве они творчески переработаны в плане их художественной трактовки, а смысловое значение их во многом переосмыслено.

Угасание изобразительной традиции в искусстве с. Кубачи с конца XV в. автор связывает с процессом основательного упрочения позиций ислама в этом населенном пункте, и вследствие этого усиления орнаментализма.

В следующей главе исследуются такие виды орнамента, как растительный, эпиграфический, геометрический, ленточный, сетчатый и зооморфный, получившие распространение в искусстве Зирихгерана-Кубачи XIII–XV вв. Каждый из этих видов орнамента подробно рассматривается в отдельных параграфах. Автор при этом отмечает, что основным видом орнамента в архитектурном декоре и в отделке различных произведений декоративно-прикладного искусства Зирихгерана-Кубачи XIII–XV вв. являлся растительный орнамент, достигший в то время высокого уровня совершенства.

Как показано в монографии, вместе с растительным орнаментом в средневековом искусстве Зирихгерана-Кубачи широкое распространение получил эпиграфический орнамент, который наряду с другими видами орнамента играл важную роль и являлся составной частью декоративного убранства различных архитектурных сооружений, надмогильных памятников и произведений художественного ремесла.

Определяя роль и значение орнамента в средневековом искусстве Зирихгерана-Кубачи, М.М.Маммаев подчеркивает, что «различные виды орнамента, отличающиеся многообразием форм, мотивов и композиционных построений, взаимно обогащали друг друга и вместе с изобразительными сюжетами придавали архитектурным сооружениям и произведениям декоративно-прикладного искусства нарядность и художественное совершенство» (с. 375).

С большим интересом читается VII глава монографии, посвященная определению места искусства Зирихгерана-Кубачи XIII–XV вв. в системе художественных культур Востока и Запада. Глава эта содержит три параграфа. В первом из них, озаглавленном как «Ислам и средневековое искусство Зирихгеран-Кубачи», освещены вопросы формирования и развития исламского искусства Зирихгерана-Кубачи и всего Дагестана. При этом автор обоснованно отмечает, что «средневековые закавказско-ближневосточные художественные традиции оказали значительное влияние на развитие и обогащение исламского искусства XIII–XV вв. с. Кубачи и Дагестана в целом» (с. 389).

В том же параграфе, основываясь на анализе различных произведений искусства Зирихгерана-Кубачи, обстоятельно рассмотрен вопрос об отношении мусульманской религии к изобразительному искусству.

Во втором параграфе VII главы путем сравнительного изучения изобразительных сюжетов и орнаментальных мотивов и с привлечением сведений письменных источников, литературных данных определяется место средневекового Дагестана в системе межцивилизационных связей Востока и Запада. Существовавшими в средние века связями между Дагестаном и Западной Европой объясняет М.М. Маммаев проникновение в искусство Зирихгерана-Кубачи XIII–XV вв. отдельных изобразительных сюжетов (изображение присевших на задние лапы львов на одном из кубачинских каменных рельефов, хранящемся в Дагестанском государственном объединенном историко-архитектурном музее и др.).

Проблема сюжетно-тематического параллелизма в средневековом искусстве Дагестана и Владимиро-Суздальской Руси основательно разработана в третьем параграфе VII главы. Тема эта дискуссионная. М.М. Маммаев раскрывает ее с привлечением новых, не известных предшествующим исследователям данных по искусству Зирихгеран-Кубачи. Общими для Дагестана и Владимиро-Суздальской Руси, по мнению М.М. Маммаева, являются изображения одиночных и парных (геральдических) львов, а также изображение парных львов с одной общей головой, сцена борьбы льва и змеевидного дракона, изображения барса, грифона, геральдического орла, сцена терзания хищником травоядного животного и т.д. Черты общности прослежены и в композициях ленточного и растительного орнамента.

Выявляя общие черты, характерные для средневекового искусства Дагестана и Владимиро-Суздальской Руси, М.М. Маммаев прослеживает и отличительные особенности их, обусловленные своеобразием путей исторического развития этих областей, разницей в религии, художественными традициями и др.

Определяя место и роль искусства Зирихгерана-Кубачи XIII–XV вв. в истории мировой художественной культуры, М.М. Маммаев делает важное заключение о том, что «оно развивалось и обогащалось в тесной взаимосвязи не только с искусством мусульманских стран Ближнего и Среднего Востока, но также с искусством стран Восточной и Западной Европы. Расположенный на перекрестке международных экономических, политических и культурных связей, Дагестан в

средние века выступал проводником достижений в сфере искусства и художественной культуры стран Востока на Запад» (с. 423).

В разделе «Вместо заключения» автор излагает основные итоги исследования, выясняет значение средневекового художественного наследия Зирихгерана-Кубачи для современности в плане использования художественно-эстетического опыта прошлого в декоративной отделке различных архитектурных сооружений и произведений декоративно-прикладного искусства.

Подводя итоги нашей рецензии, отметим, что М.М. Мамаевым проделана огромная работа по изучению средневекового искусства с. Кубачи. Исследование это вносит большой вклад в дагестанское искусствознание и в дагестановедение в целом. Оно написано на высоком научном уровне, понятно и доступно широкому кругу читателей. Из исследования М.М. Мамаева читатель узнает, какой огромной значимости, историко-культурной и художественной ценности произведения искусства были созданы в XIII-XV вв. в с. Кубачи, но до настоящего времени они оставались должным образом не исследованными.

Как и всякое крупное исследование, монография М.М. Мамаева не лишена отдельных недостатков. Так, было бы желательно более расширенно изложить вопрос о датировке памятников искусства Кубачи, а в главе VI несколько более подробно описать зооморфный орнамент. В работе встречаются отдельные редакционно-стилистические неточности. Некоторые иллюстрации следовало бы дать более крупным планом, особенно рисунки памятников арабской и персидской эпиграфики и каллиграфии, чтобы читатель мог четко различить представленные на них декоративные надписи и орнамент (Рис. 59, 62, 67, 85, 149–155, 251).

Отмеченные некоторые недостатки, имеющиеся в монографии, никоим образом не умаляют большую научную, да и практическую ценность и значимость фундаментального исследования М.М. Мамаева «Искусство Зирихгерана-Кубачи XIII-XV вв. и его место в системе художественных культур Востока и Запада». Важно и ценно и то, что монография эта вышла из печати в год культуры, объявленный Президентом Российской Федерации В.В. Путиным. И еще. Те выдающиеся произведения искусства, которые были созданы в XIII-XV вв. в с. Кубачи, М.М. Мамаевым рассматриваются не только как достояние одних кубачинцев, но и как национальное достояние всего Дагестана, показывающее его весомый вклад в мировую художественную культуру.